

Игорь Голомшток.
Занятие для старого городского.
Мемуары пессимиста

М.: АСТ, 2015

Анна Познанская

«Занятие для старого городского. Мемуары пессимиста» И. Н. Голомштока — редкий в наши дни случай, когда за воспоминания берется не известный политический деятель или звезда эстрады, а человек, в сущности, представляющий интерес для крайне узкой и замкнутой прослойки общества. Правда, в этой прослойке Игорь Наумович пользовался феноменальной известностью и авторитетом, редким даже для политика. Не имея научных регалий, он никогда не занимал стратегических должностей, а из-за своих политических взглядов порой и вовсе оказывался на задворках официальной науки. Но необычайная эрудиция, глубокое знание и понимание материала, а главное — свой, порой очень субъективный, но неизменно интереснейший взгляд на историю искусства, позволяли Голомштоку неизменно оставаться в центре наиболее важных для культурной жизни Москвы событий, а нередко быть не только их участником, но и создателем.

В послесталинские годы, когда даже специализация в области европейского искусства еще считалась делом рискованным и бесперспективным, а лекции в Московском университете, по воспоминаниям Голомштока, заканчивались на импрессионистах, Игорь

Наумович позволил себе заниматься современным зарубежным искусством и долгие годы оставался практически единственным специалистом в этой области. После выставки, проходившей в рамках Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 года, в СССР стали изредка появляться иностранные художники и деятели культуры, порой привозившие нелегальную литературу, переданную советскими «невозвращенцами». Таким образом, не только политические убеждения, но и характер профессиональных интересов способствовали крайне сложным отношениям автора мемуаров с государственной системой и, соответственно, сделали его своим человеком в кругу московских диссидентов.

Однако книга «Занятие для старого городского» не посвящена ни диссидентскому движению, ни политике как таковой. Автор упоминает о тех или иных политических событиях лишь для того, чтобы обрисовать очередную жизненную ситуацию или атмосферу, царившую в московских учреждениях, где ему довелось работать. Главные герои книги — близкие друзья, знакомые и коллеги Голомштока, они же — лучшие образцы ученых и интеллектуалов эпохи расцвета советской гуманитарной науки. В тот период в музеях, высших учебных заведениях и различных НИИ еще сохранились остатки «бывшей» интеллектуальной элиты. Ее представители, получившие дореволюционное образование и успевшие вживую ознакомиться с зарубежным искусством, не только смогли передать своим ученикам трепетное отношение к произведениям, но и служили живым примером высокой культуры и всесторонней образованности. Несмотря на практически полное отсутствие информации из зарубежных источников, духовная и интеллектуальная жизнь в России была ключом. Именно этому феноменальному явлению московской жизни посвящена книга Голомштока. Регулярно общавшийся с одаренными и мыслящими людьми, Игорь Наумович дает точные характеристики их профессиональной деятельности и особенностей научного склада.

Детство автора книги прошло на Колыме — до 1943 года его родители работали в этих краях. Лишь в возрасте пятнадцати лет он попал в московскую школу, где чуть ли не впервые начал читать книги и узнал о существовании музеев и классической музыки. Вероятно, столь стремительное и позднее погружение в «культурную» жизнь обострило его восприятие. Эта острота и жадное стремление к постижению мира, сохранившиеся на всю жизнь, придают

особую динамику мемуарам Голомштока. Так, описывая университетские годы, он отдает должное блестящей профессуре, но основное внимание уделяет своим современникам, выделявшимся из общего строя: М. Розановой-Кругликовой, своей сокурснице и будущей жене А. Синявского, реставратору и коллекционеру М. Либерману, врачу и писателю М. Этлису. В главе, посвященной работе в ГМИИ им. А. С. Пушкина с 1955 по 1963 год, автор, называя музей «культурным отстойником», подробно рассказывает о страрорежимных старушках — выпускницах дореволюционных институтов благородных девиц, сохранивших экспонаты во время войны, о выдающихся ученых, прятавшихся в подвалах музейных хранилищ от всевидящего государственного ока.

Большая часть первого раздела книги посвящена 1960-м годам. Разумеется, Голомшток был хорошо знаком с художниками-шестидесятниками: А. Зверевым, Д. Плавинским, В. Яковлевым, О. Рабиным, Б. Свешниковым, О. Кудряшовым. История дружбы с Андреем Синявским и создания первой в СССР книги о Пикассо, работа во Всесоюзном научно-исследовательском институте технической эстетики, публикации монографий под именами коллег и псевдонимами складываются в причудливую мозаику времени, для которого биография автора хоть и уникальна, но в той же мере и архетипична.

Но особое место в его жизни занимал круг литераторов, философов и искусствоведов, сложившийся в эти годы. «Московское общество структурировалось из таких кругов, сомкнутых общностью интересов и нуждой людей в помощи друг друга», — пишет Голомшток (с. 159). В эпоху оттепели в «круг Голомштока» входили А. Каменский и В. Прокофьев, Ю. Овсянников и Р. Климов, Г. Поспелов, Л. Баткин, Н. Эйдельман, А. Волконский, А. Мень. «...По четвергам у меня собирались друзья... Выпивали, обсуждали искусствоведческие, исторические, политические проблемы, и участвовать в дискуссиях на таком высоком интеллектуальном уровне мне — увы! — больше уже не приходилось» (с. 161).

Подробный анализ процесса Даниэля — Синявского, история эмиграции, описание Англии, частично сохранившей в начале 1970-х годов викторианский флёр, подробный рассказ о «Русской службе» Би-би-си и о встречах с самыми знаменитыми представителями советской эмиграции превращают мемуары Голомштока в интереснейший исторический документ. Однако для профессионалов книга

1. Слева направо: И. Н. Голомшток, В. Е. Хаславская, Р. Б. Климов, Ю. М. Овсянников, Г. Г. Поспелов
Москва, конец 1980-х гг.
Фото из книги *Занятие для старого городского*

«Занятие для старого городского» останется фактически единственным источником знаний о коллегах, чей вклад в науку невозможно измерить в листах. Р. Б. Климов, автор «Теории стадияльного развития искусства», оставивший всего несколько статей, но оказавший огромное влияние на целое поколение искусствоведов. Ю. М. Овсянников — основатель серий «Города и музеи мира», «Малая история искусств», «Жизнь в искусстве» и, наконец, научного альманаха «Советское искусствознание». И множество других, не оставивших следа в «большой науке», но, подобно самому Игорю Голомштоку, оставивших яркий след в жизни своей эпохи.